

Подорога Борис Валерьевич

ФИЛОСОФИЯ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА: ГЕШТАЛЬТ КАК ФИГУРА ПОЗНАНИЯ

В статье идет речь о теоретико-познавательном значении понятия гештальта в рамках философско-исторического опыта Освальда Шпенглера. Понятие гештальта рассматривается в качестве процесса познания, определяющегося различием природы и истории и раскрывающегося на трех тематических уровнях: 1) интерпретация Шпенглером идеи "чистого становления" Гераклита; 2) проблема символизации; 3) отношение бодрствования и существования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

TACTICS OF LAW-ENFORCEMENT OFFICERS WHILE INSPECTING PREMISES WITH ESTIMATED FIRE CONTACT

Pavlov Igor' Mikhailovich

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Branch) in Crimea, Simferopol
igorek-pavlov-1966@mail.ru*

The article analyzes a possible variant of the tactics of law-enforcement officers while inspecting premises with estimated fire contact. The author examines the legal foundations and order of using firearms by law-enforcement officers under such conditions. On the basis of the conducted investigation the researcher introduces guidelines for law-enforcement officers' professional and physical training, during which they study and exercise the considered tactics.

Key words and phrases: law-enforcement officer; patrol and point duty detail; places of possible cover of criminals and other offenders; fire contact; close distance; pistol; danger line.

УДК 1; 141.201

Философские науки

В статье идет речь о теоретико-познавательном значении понятия гештальта в рамках философско-исторического опыта Освальда Шпенглера. Понятие гештальта рассматривается в качестве процесса познания, определяющегося различием природы и истории и раскрывающегося на трех тематических уровнях: 1) интерпретация Шпенглером идеи «чистого становления» Гераклита; 2) проблема символизации; 3) отношение бодрствования и существования.

Ключевые слова и фразы: гештальт; история; символ; природа; познание; окружающий мир.

Подорога Борис Валерьевич

*Российский государственный гуманитарный университет
boris.podoroga@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА: ГЕШТАЛЬТ КАК ФИГУРА ПОЗНАНИЯ®

В философии истории Освальда Шпенглера понятие гештальта является ключевым. Если говорить о философии Шпенглера как о системе мысли, то понятие гештальта обладает в ней структурообразующей функцией: оно в равной мере конституирует его онтологические, эпистемологические, эстетические и политические аспекты. Философствование Шпенглера разворачивается в двух смысловых векторах: с одной стороны, он обсуждает понятие гештальта в содержательном плане, связывая его с конкретным историческим материалом, с другой стороны, оно соотносится с определенной техникой познания, что заставляет признать существование понятия гештальта в качестве имманентного шпенглеровской мысли творческого проекта. Философия Шпенглера – это система знания, обладающая общим стилем и тематической направленностью: предлагая задачу – разрешить проблему исторического генезиса, – она вместе с тем предлагает комплекс соответствующих теоретических средств: знание и учение о знании оказываются элементами «одновременного» (Gleichzeitig) мыслительно-коммуникативного акта.

Немецкое слово *Gestalt* переводится на русский язык как характер, облик, очертания, контуры. Приведем примеры его употребления: *der Teufel in der Gestalt der Schlange verkörpert* / дьявол является в образе змеи; *in schwermütigen Liedern Gestalt gewordene Melancholie* / в грустной мелодии слышится меланхолия; *eine Gestaltlose Wolkendecke* / бесформенный облачный покров; *Gestalt der Wellen* / форма волн. Обыденный немецкий язык связывает слово *Gestalt* с чувственной кажимостью: его используют, чтобы обозначить что-то показавшееся, привидевшееся, послышавшееся. Ориентируясь на это его значение, Шпенглер разрабатывает особую теорию познания, основанную на образах спонтанного, бессознательного смыслополагания.

Невозможно правильно понять идею гештальта вне интерпретации отношения природы и истории, которое играет в философии Шпенглера центральную роль. Он приступает к разработке отношения природы и истории в контексте толкования гераклитовского понятия чистого становления (Panta rei). Его узловым пункт – противопоставление Гераклита античной философской традиции от досократиков (Фалес, Анаксимен, Парменид, Зенон) до Платона и Аристотеля, связанной с обсуждением идеи первоначала (arche). Первоначало, или материальная причина (воздух, вода) – это вещество, господствующее в универсуме, являющееся его источником и служащее его логическим обоснованием, тогда как чистое становление Гераклита не имеет доступных «интеллектуальных» признаков, кроме одного свойства, выраженного, по свидетельству Шпенглера, словом *Tropai* (изменение, метаморфоза), определяющим чистое становление в качестве данности чувственного опыта. Пытаясь реконструировать смысл этого слова, Шпенглер обращается к понятию «комплекс ощущений» Э. Маха, превращая Гераклита в тонкого критика идеи «архэ», предлагающего рассматривать ее в качестве психологического следствия пространственного единства непосредственных впечатлений,

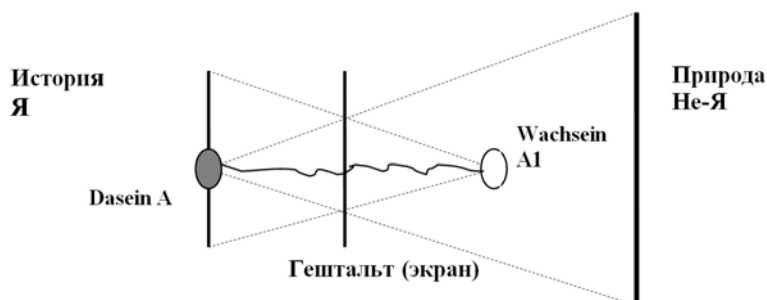
определяющих восприятие субъекта [7, с. 26]. Первоначало есть результат утверждения качества стабильности, присущего комплексу ощущений как «объективной» структуре мира [14, S. 45]. Э. Мах определяет субъекта через относительно неизменные перцептивные величины, которые он называет «комплексом ощущений» или «телами». В их формировании участвуют как с «большим или меньшим постоянством ощущаемые уровни теплоты и давления», так и интеллектуально-мировоззренческие привычки. Этот «комплекс ощущений» оказывается возможностью познания: субъект выделяет посредством имени, знака или формулы из окружающей действительности то, что соотносится с телесно закрепленным впечатлением. Изменения, происходящие с субъектом на протяжении его существования, рассматриваются в условиях интерпретации комплекса ощущений как производные от изначального покоя. Для субъекта изменения всегда остаются изменениями того, что уже было дано в качестве субстанционально-перцептивной данности. Отсюда, по Маху, «произрастает» научное знание: постоянство ощущаемых элементов экстраполируется на окружающую действительность, утверждая каузально-детерминистский источник становления. Мах непрерывно подчеркивает относительный характер этого постоянства: для него телесный опыт, сохраняющий константность, в то же время отсылает к более глубокому процессу становления, доминирующему над покоящимся бытием. Шпенглер называет эту операцию «психологической инверсией»: чтобы осмыслить происхождение того или иного явления, необходимо рационализировать ограниченный чувственный опыт – придать ему сверхчувственную форму. Пространственные черты этого опыта, непрерывно изменяющиеся во времени, выносятся за его пределы, формируя образ «метафизического» пространства – условия возможности пространства «реального»: «Здесь, таким образом, случилась странная инверсия: первенство становления перед ставшим выглядит как бы упраздненным. Дух... озирающий из своей сферы, из ставшего, пройденный путь, переворачивает аспект жизни... Дух переставляет иерархическими местами протекающую во времени жизнь и пространственно пережитое, помещая время, как отрезок, в пространственную систему мира. В то время как из направления следует протяженность, а из жизни пространственность в качестве мирообразующего переживания, человеческое понимание влагает жизнь, как процесс, в свое застывшее, представленное пространство. Пространство для жизни есть нечто функционально принадлежащее к жизни; для духа же сама жизнь есть нечто совершающееся в пространстве» [11, с. 582]. Акт познания требует неподвижной точки (ставшее), откуда субъект наблюдают мир, которая в форме «причины», «источника», «начала» и т. д. бессознательно возводится в ранг фундаментального обоснования процесса становления. Не стоит думать, будто бы Шпенглер хочет, опираясь на Гераклита, доказать, что можно избежать этого «переворачивания» – скорее для него важно показать относительность его познавательных следствий, которые вовсе не дают право говорить о мире как таковом. Пространство, порожаемое духом, вторично по отношению к естественному пространству жизни, где становление (история) только и может стать доступным созерцанию.

В предисловии к первому тому «Заката Европы» Шпенглер ставит проблему символического мировидения: «Мыслитель – это человек, который призван символически изобразить эпоху, как он ее видит и понимает. Он лишен какого-либо выбора. Он мыслит так, как ему должно мыслить, и истинным в конце концов является для него то, что родилось с ним как картина его мира. Он не изобретает ее, а открывает в себе. Он и сам дублирует себя ею, выразившей его в слове, оформившем смысл его личности как учение, неизменной для его жизни, ибо она идентична с его жизнью» [Там же, с. 124]. Мы имеем дело с тремя исходными переменными, составляющими идею символа: 1) эпоха; 2) мыслитель; 3) картина мира. Субъект оказывается в зоне действия символизации в тот момент, когда реактивирует присущую ему внутреннюю культуру в качестве картины мира (Weltbild), исходя из условий, диктуемых эпохой – конкретным историческим положением дел. Термин «слово» (Worte) Шпенглер ассоциирует с общим понятием языка форм, которым обладает мыслитель как субъект определенного культурного единства и который позволяет ему связать эпоху с целостной картиной мира. Приведем еще одну цитату: «Таким образом, речь будет идти не о том, что “есть” мир, а о том, что он значит для живущего в нем существа. В момент пробуждения что-то обрывается для нас между некоей точкой “здесь” и точкой “там”... Так проявляется разрыв между душой и миром как полюсами действительности, но в этой последней существуют не только противодействия, каузально воспринимаемые нами как вещи и свойства, и не только поэмы, в которых мы чувствуем действие нуминозных существ “совсем как нас самих”, но еще и нечто такое, что как бы устраняет разрыв. Действительность – мир, соотносительный с определенной душой, – является для каждого отдельного существа проекцией направленного в область протяженного; она есть само собственное, которое зеркально отражается в чужом; его-то она и означает. Таким же столь же творческим, сколь и бессознательным актом – не “я” осуществляю возможное, наводится мост символа между живыми “здесь” и “там”; из совокупности чувственных и вспомнутых элементов внезапно и непреложно возникает мир “как таковой”, доступный пониманию и, “как таковой”, уникальный для каждого отдельного человека» [12, с. 324-325].

Символизация – основополагающий механизм надления мира значением. Символ играет роль смыслового экрана, развертывающегося между точкой «здесь», олицетворяющей внутренний мир человека и точкой «там», связанной с представлением о внешней действительности. Шпенглеровский символ отсылает к произвольному отношению самости и окружающей среды, данному в качестве информативного пространства. Взаимодействие со средой, основанное на противодействии, осуществляется под знаком символической соотносительности: существуют не только объективные вещи и свойства, полагаемые нами вне себя самих, но и наша изначальная с ними связь, обуславливающая их объективацию. Это и хочет сказать Шпенглер, утверждая, что мир есть «проекция направленного в область протяженного»: мир в его пространственной форме есть символически закрепленное влечение. Внутреннее переживание преломляется в зеркале природного мира, получая языковую, мифологическую или религиозную формулировку. То, что индивид представляет в качестве внешнего образа, есть превращенная форма данной ему *a priori* чувственности. В процессе символизации слышны отголоски платоновского

анамнеза: сталкиваясь с действительностью, субъект возбуждает покоящуюся в глубине его души идею, которая и делает ее тем, чем она является. Символ есть бессознательное содержание, обретающее характер представления в границах индивидуального сознания. С позиции Шпенглера, даже если субъект мыслит отвлеченные абстракции, то он имплицитно связывает их с определенной символической системой отсылок. К примеру, если мыслится «вещь в себе», то акт мышления неизбежно будет включать в себя общность взаимосвязей, состоящую из установленных в культурной целостности норм аргументации, устоявшихся традиций, отбора материала и т.д.

В этом контексте Шпенглер обсуждает взаимодействие существования и бодрствования. Шпенглер определяет существование как простое наличие в мире, «бытие тут» (Dasein). Оно есть досознательное бытие, определяющее субъекта через состояние сна или глубокой мечтательной задумчивости. Шпенглер использует для уточнения понятия существования термин «связанности» (Verbundenheit). Существование выражает «растительную» связь индивида с родом, ландшафтом, генетически наследуемыми образами. Шпенглер сравнивает бодрствование с понятием сознания (Bewußtsein), традиционно обсуждающимся в европейской философской традиции, но предупреждает, что сознание – это не мышление, но состояние высокой чувственной активности: бодрствовать, значит быть-в-сознании (этот смысл обнаруживает уже старонемецкое слово *Wachen*, «быть в силе», «быть внимательным», «стоять на страже»). Бодрствование – это напряженное мировосприятие, всегда стремящееся достичь еще большего напряжения: бодрствует не тот, кто не спит, а тот, кто пытается осмыслить приходящую из мира информацию. Шпенглер возводит бодрствование к «критическому органу различения», функция которого восходит к осязанию: «То, что мы, пребывая уже на высокой ступени развития, называем в общем смысле осязанием, осязанием посредством глаза, слуха, рассудка, есть, в сущности, простейшее обозначение подвижности существа и возникающей отсюда необходимости непрерывно определять свое положение по отношению к окружающему миру» [13, р. 9]. Бодрствование идет из расщепления между субъектом и миром: сенсорика автономного существа выполняет критическую функцию по отношению к среде, которая оказалась для него чуждым миром, непрерывно создающим препятствия на пути удовлетворения базовых потребностей – оно вынуждено оценивать текущую ситуацию, к примеру, рассчитывать расстояние до жертвы во время охоты. Бодрствующий индивид приспособливает существование к непрерывно изменяющимся условиям среды, оказывающим ей сопротивление. Бодрствование интенсифицирует (сублимирует) существование, превращая его в форму напряженного взаимодействия с миром. Бодрствование высвобождает врожденные субъекту душевные энергии, направляя их в «область действительного», где они приобретают контуры, связанные с конкретными вызовами последней и возвращаются назад в качестве исторического опыта. Поясним сказанное с помощью следующей диаграммы:

Двойная проекция графически иллюстрирует соотношение истории и природы, представляя их в качестве двух «утопленных» друг в друге треугольников-проекций. Перцептивный разряд (точка A) становится мгновением высветления (разрядкой), определяющего ее существования (Не-Я). Такой контакт предполагает, что субъект соприкасается с ней в тех точках, где она становится объектом его внутреннего созерцания. Это отображает, возникающий на пересечении двух проекции экран: субъект овладевает предельными условиями внимательности (точка A1) по отношению к окружающему миру, проектируя на хронологическую плоскость индивидуальный опыт, превращающий природу в историю. Витальная мощь Не-Я прорывается на поверхность сознания, наделяющего его способностью к охвату находящейся за его пределами действительности. Силы существования, заключенные в душе индивида, устремляются вглубь мира. Бодрствование как инсайт, в условиях которого индивид внезапно постигает самое себя, обретая необходимую энергию (на рисунке: волнистая линия) для удерживания действительности в фокусе. Он высвобождает потенциально заключенную в природе историю, схватывая ее с помощью собственной образно-символической силы и преобразуя в динамическое целое, вдыхающее историческую жизнь в события прошлое (эпохи, культуры, революции).

Итак, попробуем подвести итоги нашим размышлениям. Во-первых, гештальт – это формообразующая, матричная идея философии Шпенглера, кодифицирующая стержневую интуицию его творчества, воспроизводящаяся в самых разнообразных его сегментах. Гештальт – это базовый паттерн, конституирующий философствование Шпенглера в качестве целостной формы, выражающейся в каждом ее отдельном элементе. Гештальт – это конститутивный смысл, производными от которого являются отдельные тематизации, термины, понятия и высказывания Шпенглера.

Во-вторых, мы попытались проанализировать наиболее существенные формы, в которых обнаруживается идея гештальта, а именно, концепты становления, символа и бодрствования. Фигура становления определяется проблемой отношения комплекса ощущений, а именно, устойчивой формы мира, данной субъекту через посредство органов чувств, к жизни, которая есть непрерывный процесс преобразований, обуславливающий

необходимость первой. Шпенглер пытается смягчить радикальный маховский релятивизм, выраженный в высказывании: «все, что есть, дано в ощущениях», предполагая, что можно выйти на более глубокий уровень обоснования восприятия и мышления. Для этого он использует понятие символа, способное, с его точки зрения, снять разрыв между полюсом становления (жизнь) и полюсом ставшего (ощущение). Шпенглеровский символ – это, с одной стороны, нечто субъективное, обусловленное, наряду с ощущениями, традициями, культурой, социумом, с другой стороны, нечто объективное, поскольку задача историка как раз и состоит в том, чтобы показать необходимость символа в его относительности по отношению к общему процессу генезиса, который сам по себе является «тайной» (Geheimnis) [14, S. 46]. Историк зависим от символа, будучи определен соответствующим типом существования, но при этом он должен осознать эту определенность в качестве таковой. Отсюда и идет понятие бодрствования или напряжения, обнаруживающее свой исток в присущей животным способности оценивать пространственные дистанции, переходящее с развитием человеческого языка и сознания на качественный новый уровень абстрактного мышления, который при удержании перечисленных предпосылок и позволяет мыслителю сформировать картину истории.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования: в 2-х т. М.: Академический Проект, 2011. Т. 2. 565 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2013. 734 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. М.: Академический Проект, 2011. Т. 3. 397 с.
5. Келер В., Коффка К. Гештальтпсихология. М.: АСТ, 1998. 682 с.
6. Лекторский В. Философия, познание, культура. М.: Канон-Плюс, 2012. 383 с.
7. Мах Э. Анализ ощущений. М.: Территория будущего, 2005. 304 с.
8. Наранхо К. Гештальттерапия. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 303 с.
9. Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 367 с.
10. Тавризян Г. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М.: Искусство, 1989. 269 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 1. 666 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.
13. Hughes S. Oswald Spengler. New Brunswick – L.: Transaction Publishers, 1991. 192 p.
14. Spengler O. Reden und Aufsätze. München: C. H. Beck, 1938. 295 S.

PHILOSOPHY OF OSWALD SPENGLER: GESTALT AS FIGURE OF COGNITION

Podoroga Boris Valer'evich

Russian University for the Humanities

boris.podoroga@gmail.com

The article tells about the theoretical-cognitive meaning of the notion “gestalt” in the framework of the philosophical-historical experience of Oswald Spengler. The notion of gestalt is examined as the process of cognition, which is determined by differentiating nature and history and is disclosed at three theme levels: 1) the interpretation of the idea of “pure formation” of Heraclitus by Spengler; 2) the problem of symbolization; 3) relation between wakeful state and existence.

Key words and phrases: gestalt; history; symbol; nature; cognition; surrounding world.

УДК 908

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу становления и развития профессионального образования в губернском городе Симбирске в 1861 – 1890-х гг. Автор рассматривает процесс возникновения и функционирования профессиональных учебных заведений, находившихся в подчинении различных ведомств и имевших различные источники финансирования. Особое внимание уделено целям их создания, срокам и программам обучения, социальному составу учащихся.

Ключевые слова и фразы: землемерно-таксаторские классы; ремесленные училища и школы; педагогическое образование; Кадетский корпус; Учебно-Трудовой пункт.

Прохорова Анастасия Николаевна

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

nasproh@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ СИМБИРСКЕ В 1861 – 1890-Х ГГ. ©

Одной из составляющей модернизации современного российского общества является реформирование системы образования. Целью государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»